

ПРИКЛЮЧЕНИЕ АМЕРИКАНЦА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЮДЖИН СКАЙЛЕР О КЫРГЫЗАХ

Ч. Турдалиева

Чолпон Турдалиева | <http://orcid.org/0000-0002-4375-2566> | turdalueva_c@auca.kg | д. и. н., профессор | Американский университет в Центральной Азии (пр. Аалы Токомбаева 7/6, Бишкек, 720060, Кыргызстан)

Ключевые слова

кыргызы, кыргызоведение, США, Юджин Скайлер, Центральная Азия, российский колониализм, колониальное изучение

Аннотация

В статье анализируются сведения об истории и культуре кыргызов, собранные в поездке по Центральной Азии американского дипломата, путешественника и ученого Юджина Скайлера в XIX в. С одной стороны, вояж носил приключенческий характер, так как в то время мало кто из иностранцев посещал эти малоизвестные, только что колонизированные территории, но с другой стороны, он представлял собой заранее подготовленную командировку. В 1873 г. Юджин Скайлер, дипломат из США посещает Центральную Азию и собирает разнообразные сведения о ее природе, ландшафте, климате и этносах в начальный период российской колонизации. Через три года, в 1876 г. он публикует двухтомный труд “Туркестан”, ставший бестселлером своего времени и не утративший научной значимости и популярности по сей день. Несмотря на то что часть центральноазиатской и кыргызоведческой информации была заимствована Скайлером у российских и европейских авторов, он предложил свой анализ фактов и событий, свидетелем или участником которых стал, и в этом несомненная научная ценность его работы. В этом смысле его подход перекликается с концепцией культурного релятивизма Франца Боаса, где история и культура этноса рассматриваются через его происхождение и развитие. В то же самое время, утверждения Скайлера о том, что колониализм, в том числе российский, является единственным источником цивилизации четко отражают европоцентричность его взглядов и общественной позиции.

Статья поступила 15.07.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 08.04.2022

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Турдалиева Ч. Приключение американца в Центральной Азии: Юджин Скайлер о кыргызах // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 159–175. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030095> EDN: HVQQQM

Turdalueva, C. 2022. Prikluchenie amerikantsa v Tsentral'noi Azii: Yudzhin Skailer o kyrgyzakh [An American's Adventure in Central Asia: Eugene Schuyler on the Kyrgyz]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 159–175. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030095> EDN: HVQQQM

Цель моего путешествия (в Центральную Азию. – Ч.Т.) – изучить социальное и политическое состояние регионов, которые были завоеваны Российской империей, и сравнить их с теми, которые до сих пор находятся под деспотизмом ханов. (Schuyler 1876a: v)

В изучении истории и культуры кыргызов и Кыргызстана в XIX в. большую роль играют письменные источники, в том числе записи (дневники, зарисовки, очерки) путешественников и исследователей из Европы и США. В этом ряду заметное место занимает книга путевых впечатлений американского дипломата, исследователя, переводчика Юджина Скайлера (1840–1890) “Туркестан: заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже”. Скайлер родился в г. Итака (шт. Нью-Йорк, США), в 1859 г. он поступил в Йельский колледж, а окончив его с отличием, продолжил образование в престижном Йельском университете. В студенческие годы Скайлер вступил в тайное молодежное общество с устрашающим названием “Череп и кости” (*Skull and Bones*). Общество объединяло представителей политической и финансовой элиты США, и не исключено, что членство в этой организации существенно повлияло на дальнейшую карьеру Скайлера как дипломата и политолога. Он стал одним из первых американцев, получивших докторскую степень по философии в американском университете. В 1862 г. он начал изучать право на юридическом факультете Йельского университета и в 1863 г. получил диплом юриста на факультете права (*Columbia Law School*). Однако юриспруденция не стала его профессиональной стезей, Скайлер увлекся журналистикой и начал писать для известного американского научно-популярного журнала *The Nation*. Параллельно он занялся изучением русского языка (первые уроки были получены у моряков русской эскадры, на несколько месяцев пришвартовавшейся на р. Гудзон), который вскоре сыграл значительную роль в его дипломатической карьере и литературно-переводческой деятельности, и штудированием материалов, связанных с колониальными завоеваниями России в Центральной Азии (напр., статьи британского исследователя А. Вамбери [*Носков 2017: 296*]).

Журналистская работа Скайлера была непродолжительной; после неоднократных обращений в Госдепартамент он получил назначение в посольство США в России. В 1867–1876 гг. Скайлер работал консулом в Москве, Санкт-Петербурге и Ревеле (Таллине), а в 1880-х годах – в различных должностях в посольствах США в Греции, Румынии, Сербии и Египте (*Coleman 1947: 33–48*). После завершения дипломатической карьеры он успешно преподавал в Корнельском университете и занимался писательской деятельностью. Его перу принадлежат несколько книг и статей¹, но наиболее известной его работой стал двухтомник “Туркестан: записки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже” (*Schuyler 1876a, 1876b*). Информация о кыргызах размещена во втором томе, в главе “Иссык-Куль и Семиречье” (*Schuyler 1876b: 119–155*). Двухтомник уникален по нескольким причинам. Во-первых, наряду с собственными наблюдениями и выводами, он использовал публикации русских путешественников и исследователей. В 1874 г. Скайлер стал членом Русского географического общества, что позволило ему установить научные связи с широким кругом российских ученых. В своей книге он неоднократно ссылается на таких известных востоковедов, как В.В. Григорьев, И.И. Захаров, П.И. Лерх, на путешественников и исследователей Ч.Ч. Валиханова, В.В. Радлова,

П.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.Я. Бичурина, И.Я. Левшина, А.П. Федченко. Как справедливо отмечает И. Стасевич: «В конце XIX в. среди представителей академической науки все чаще звучит мнение, что изучать нужно в первую очередь “собственный Восток”, территории, входящие в состав Российской империи, и тем самым послужить российскому государству» (Стасевич 2019: 38). Таким образом, и для российской власти, и для российских ученых регион становился площадкой научного изучения, эвристических находок и аналитических выводов. Многим перечисленным выше востоковедам удалось не только реализовать эти задачи, но и стать непререкаемыми авторитетами для зарубежных исследователей, в том числе и для Скайлера. Труды этих признанных ученых позволили сформировать солидный объем знаний о географических, геополитических и этнографических особенностях региона в XVIII – начале XX в. (Маслова 1971; Турдалиева 2008; Горшенина 2019). На наш взгляд, книга Скайлера также может быть причислена к актуальным первоисточникам, восполняющим наши отрывочные, неполные знания о жизни народов Центральной Азии в первые годы российского колониализма.

Как ученый и писатель, Скайлер собирал исторические, политические и этнографические сведения о регионе и его населении и тем самым способствовал укреплению не только позиций американской науки, но и своей репутации эксперта по Центральной Азии в академических и литературных кругах США, Европы и России. Как политик и дипломат, Скайлер стремился не только проанализировать колониальную политику России в регионе, но и нарастить свои профессиональные и карьерные активы. Вместе с тем, как и многие другие исследователи колониального периода, он не избежал фактологических неточностей (Носков 2017: 301) и влияния радикального европоцентризма в своем отношении к неевропейским народам.

Заявление Скайлера “мое путешествие в Среднюю Азию было предпринято без политических целей” (Schuyler 1876a: 816) не соответствует истине: он внимательно наблюдал, фиксировал и анализировал политические, экономические и судебные шаги, предпринятые Россией в регионе. Скайлер отмечал, что эти шаги не всегда были гуманными и справедливыми по отношению к местному населению. Такая оценка, вызвала негативную реакцию со стороны отдельных российских военных и административных чинов. Так, русские военные инженеры М.Н. Анненков и М.А. Терентьев обвиняли Скайлера в однобокости и фальсификации фактов (Носков 2017: 301–305).

Теоретической основой для данной статьи послужила концепция о глобальной колониальности М. Тлостановой, рассматривающая колониализм не только как источник эксплуатации и ограничения свободы, но и как явление, способствующее приобщению населения и зависимых территорий к обширному экономическому, политическому и культурному реформированию (Tlostanova, Mignolo 2009). В контексте данной теории сведения Скайлера восполняют наши знания о процессе оседания кыргызских племен в первые годы российской колонизации и их адаптации к различным модернизационным изменениям, в том числе в экономической и судебной сферах. Также мы обратились к концепции культурного релятивизма Ф. Боаса (Boas 1911), поскольку обнаружили некоторые параллели с ней в подходе Скайлера, рассматривающего историю и культуру этноса через его происхождение и развитие.

В изложении материала, в том числе в определении разделов статьи, мы следовали логике Скайлера, предложенной им в своем двухтомнике.

Туркестанский край в период путешествия Скайлера

В 1870-е годы, к моменту путешествия Скайлера, Центральная Азия фактически уже вошла в состав Российской империи, и реформы постепенно меняли облик региона. Хотя темпы преобразований различались от территории к территории, к концу XIX – началу XX в. в целом произошла адаптация всего региона к рынку российских товаров, производству, наметился рост городов, сформировались административные центры, – все это разнообразило и оживляло жизнь местного и переселенческого славянского населения (*Осмонов 2018: 332–333; Алимджанов 2016*). В 1873–1876 гг. такие автократические государства, как Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства окончательно оказались под протекторатом Российской империи, а кыргызские и казахские скотоводы вынуждены были оседать из-за активного сокращения равнинных пастбищ, осваиваемых славянскими мигрантами.

Кыргызские племена были организованы в волости – административно-территориальные единицы; в каждой волости проживало примерно 200 семей. К концу XIX в. насчитывалось 73 кыргызских волости (*Осмонов 2018*). Племена продолжали свои сезонные миграции, но цикл кочевания стал сокращаться – как отмечалось выше, русские переселенцы обустроивались на равнинных территориях, на которых располагались зимние кыргызские стойбища. В 1867 г. указом Александра II была образована Семиреченская область с центром в г. Верный, первоначально она делилась на пять уездов: Верненский, Иссык-Кульский, Копальский, Сергиопольский, Токмакский; Скайлер перечисляет их в своей книге (*Schuyler 1876b: 205*). В 1870-е годы переход кыргызских племен под протекторат России не был полностью завершен, и если северные племена уже присоединились к империи, то южные под предводительством своих лидеров продолжали сопротивляться (*Осмонов 2018: 313–314; Плоских 1977; Джамгирчинов 1966*). Скайлер, отмечая, что колониальная бюрократия в Центральной Азии несет непомерные расходы – в несколько раз больше, чем в центральных губерниях России, – предлагал сократить вложения в административный аппарат и направить средства на торгово-экономическое развитие региона (*Schuyler 1876b: 208–219*).

Какие же обстоятельства побудили американского дипломата совершить восьмимесячный вояж по азиатской колонии? Мы считаем, что путешествие Скайлера преследовало политико-дипломатическую и научно-исследовательскую цели. Анализ этих целей является одной из задач нашей статьи и определяет ее научную новизну. Центральная Азия стала колонией Российской империи в результате “большой игры”². Скайлер планировал изучить реализацию колониальной политики Российского государства и ее результаты, это позволило бы ему не только укрепить свои позиции ученого-ориенталиста, но и стать экспертом по России и ее международной политике. Научная оценка политической, экономической, социальной ситуации на Востоке в то время высоко ценилась. С точки зрения основателя ориентализма Э. Саида, с XVIII в. Запад регулярно обращал свой взгляд на Восток (*Said 1979*). Западно-европейские исследователи и путешественники, в том числе и Скайлер, проецировали на Азию свои идеи и представления, которые способствовали формированию “русского ориентализма” и восточной повестки Российской империи, целью которой являлось установление политического, экономического и культурного господства в Центральной Азии (*Knight 2000; Абашинов 2014; Соболев 2013: 39–59; Тольц 2013; Стасевич 2019*).

На наш взгляд, до приезда в регион Скайлер видел в России источник не только порабощения и эксплуатации азиатской колонии, но и ее развития, основанного на торговле, просвещении и образовании. Он был убежден, что Россия эффективно реализует свою цивилизационную миссию, однако, столкнувшись с реальностью, понял, что реформы сопровождаются несправедливостью и коррупцией местных колониальных властей. Путешественник открыто пишет об этом в главе “Российская администрация” (*Schuyler* 1876: 203).

Таким образом, в период путешествия Скайлера по Центральной Азии здесь шли процессы экономической, политической и судебной модернизации, которые сопровождались коррупцией, мздоимством и махинациями российской колониальной бюрократии.

Скайлер о географии северных территорий современного Кыргызстана

Прежде чем анализировать географические сведения о территории кыргызских кочевников, остановимся на маршруте Скайлера. Скайлер выехал из Санкт-Петербурга 23 марта 1873 г. и вначале на поезде приехал в Саратов, а затем на санях – в Оренбург, откуда добрался до Казалинска и далее до форта Перовский. Отсюда путешественник направился в Ташкент, Самарканд, Бухару и Коканд. В территории кыргызских кочевников он прибыл через Аулие-Ату, здесь Скайлер посетил г. Верный, побывал на оз. Иссык-Куль и в г. Токмок (*Schuyler* 1876a). Вернулся путешественник в Петербург через Сибирь и Урал; его поездка заняла восемь месяцев.

Сведения Скайлера о географии современной территории севера Кыргызстана кратки, а на характеристике казахских степей он остановился подробнее (*Schuyler* 1876b: 122). Это, вероятно, связано с тем, что Скайлер не видел существенных различий между казахами и кыргызами. А поскольку на своем пути он сначала повстречался с казахами, то описал природные особенности именно их территорий. Так, “Карта Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств и части Русского Туркестана” имеет пометки о топографических особенностях и природных ресурсах Центральной Азии. На изображении оз. Иссык-Куль он сделал пометку “5300 футов” (1615,44 м) над уровнем моря (*Ibid.*: 132) (сегодня этот показатель зафиксирован в значении 1608 м). Рядом с Кочкором (Нарынская обл.) есть пометка “6040 футов” (1840,99 м) (зафиксированная сегодня высота, на которой расположен Кочкорский район, – 1767 м). На карте нет Пишпека, вероятно, это связано с тем, что поселение стало административным центром Пишпекского уезда Семиреченской обл. в 1878 г., т.е. уже после выхода книги “Туркестан”. Если сравнить цифры, приведенные Скайлером, с современными данными, можно констатировать, что отклонения незначительны.

Скайлер справедливо отметил, что р. Нарын дает начало р. Сырдарье (*Schuyler* 1876a: 51). Примечательно и то, что путешественник приводит географические названия с пояснением их культурно-языкового происхождения. Так, он пишет, что местное население именует Нарын Сырдарьей (*Ibid.*), а для названий поселения Баласагын (*Bala Sagun, Balgasun*) и оз. Иссык-Куль находит параллели в персидском, монгольском, китайском и кыргызском языках (*Schuyler* 1876b: 122, 131). Скайлер зафиксировал две легенды об оз. Иссык-Куль. Одна связана с сокрытием тайны правителя с ослиными ушами, она, по мнению исследователя, напоминает греческий миф о Мидасе (*Ibid.*: 129). Другая отражает

историческую связь кыргызов с калмыками или западными монголами: "...калмыцкие переселенцы должны были прорыть канал Кутемалды (Кутмалды. – Ч.Т.) для ирригационных целей (Schuyler 1876b: 132).

Анализ географических сведений, приведенных в книге "Туркестан", позволяет сделать следующие выводы:

1. Благодаря Скайлеру топографическая и картографическая информация о Центральной Азии 70-х годов XIX в., в том числе и о территории расселения кыргызов, впервые была представлена американскому читателю и обогатила мировую географическую науку. Так, на карте, составленной исследователем, были отмечены топографические объекты на территории современного Кыргызстана, и, несмотря на то что некоторые сведения о них были заимствованы из материалов Ч.Ч. Валиханова, П.П. Семенова-Тян-Шанского, А.П. Федченко и В.В. Радлова, данные, представленные в книге "Туркестан", послужили основной для формирования и углубления знаний американцев о кыргызском народе и территории его расселения в XIX в.

2. Обширные познания в области географии, картографии, биологии, зоологии и ботаники позволили Скайлеру не просто грамотно зафиксировать свои наблюдения, но и проанализировать связи между средой обитания и характером жизнедеятельности человека и общества.

3. Географические неточности в книге Скайлера отражают тот факт, что российская картография, откуда он черпал свои сведения, находилась в стадии становления и развития.

4. Записи наблюдений исследователя практически всегда сопровождаются сравнительно-сопоставительными параллелями из истории европейских и восточных народов, стран и территорий. Так, на сходство кыргызских легенд и фольклора северных индейцев, вероятно, впервые указал именно Скайлер (Schuyler 1876b: 131, 137).

Этническая идентификация кыргызов: "светлые и темные кыргызы"

Путешествуя по Центральной Азии, Скайлер имел возможность наблюдать жизнь полиэтничного населения колониальной России. Будучи в Оренбурге, Казале, Аулие-Ате, он встречает казахов (Скайлер называет их киргизами) и описывает их так:

Эти кочевники, населяющие западную степь, не являются теми же людьми, что и настоящие киргизы или буруты, живущие около озера Иссык-Куль и в горах неподалеку от Коканда, и которых русские называют каракиргизами (черными киргизами), а также дикокаменными или дикими горными киргизами. Они не называют себя киргизами, это имя им дали русские... Русские имеют обыкновение называть эту расу киргиз-кайсака, совершенно ошибочное и бессмысленное имя. Имя казак, используемое в Центральной Азии, означает просто бродяга или странник. Однако из-за удобства употребления их продолжают называть киргизами (Schuyler 1876a: 30).

Исторические сведения Скайлера об этнической истории кыргызов в основном почерпнуты из работ Ч.Ч. Валиханова, П.М. Кошарова, П.П. Семенова-Тян-Шанского и М.И. Венюкова, о чем свидетельствуют ссылки, приведенные в его книге. Изучение трудов известных исследователей расширяло познания Скайлера. Он знакомился с идеями таких маститых ученых, как

Ю. Клапрот, Ж.-П. Абель-Ремюза, Н.Я. Бичурин (архимандрит Иакинф) и В.В. Радлов, которые в XVIII–XIX вв. в своих публикациях в научных журналах Европы и России выдвигали гипотезы о происхождении кыргызов. Скайлер также обращался к материалам китайского путешественника Чжан Цяня, побывавшего в центральноазиатском регионе в VII в. Вероятно, и беседы с русскими офицерами из местной колониальной российской администрации помогали в сборе информации об идентичности кыргызов. Так, о происхождении кыргызов и этнониме “кыргыз” Скайлер пишет:

Хотя большинство кыргызов имеют черные волосы и темный цвет кожи, однако, пусть не так часто, но среди них еще встречаются представители со светлой наружностью. Имеются мнения (ученых. – *Ч.Т.*), поддерживающие идею о том, что они произошли, как и финны, от одной расы, но также есть и другие [ученые], которые считают, что кыргызы произошли от смешения тюрков и монголов. Но, вероятно, в самые ранние периоды они были тюркизированы, и даже китайские историки седьмого века, которые знали их как хагясов, утверждают, что они говорили на тюркском языке. Они (кыргызы. – *Ч.Т.*) описаны как белокожие и светловолосые, хотя сейчас большинство темнокожие и черноволосые, но люди первого типа нередко еще встречаются. На Иссык-Куле и в долинах Тянь-Шаня, Памира и Алая к югу от Коканда проживают настоящие кыргызы, названные китайцами и калмыками бурут, а русские их называют каракиргизами (черные кыргызы), или дикокаменными кыргизами. Таким образом они отличают их от казахов, которые среди русских случайно и неправильно получили название киргиз (*Schuyler* 1876b: 135–136).

Скайлер высказывал свои предположения о том, как произошло изменение антропологического типа кыргызов с европеоидного на монголоидный, и о том, что на ранних этапах в этом процессе участвовали и древние тюрки. Здесь надо отметить следующее: в этногенезе кыргызского народа выделяется енисейско-алтайский компонент, который сформировался в связи с большой миграцией енисейских кыргызов из Минусинской котловины через Алтай на территорию современного Кыргызстана (*Караев, Кожобеков* 1989: 13, 20). И вполне вероятно, что кыргызские племена как монголоидного, так и европеоидного типа составляли костяк миграционного пришлого населения, часть которого где-то ассимилировалась, а часть создала племенной военно-политический союз “Кыргыз”, объединившись с тюркско-монгольскими племенами, пришедшими из Южной Сибири, Алтая и Монголии. В исторических источниках в свое время ученые нашли сведения о белокурых, голубоглазых европеоидах, вплоть до XIII в. обитавших в Центральной Азии и Южной Сибири (*Мокеев* 2010; *Караев, Кожобеков* 1989: 13, 20). “[К]ыргызы, по описанию средневековых авторов, имели высокий рост, рыжие или красноватые волосы, голубые глаза и светлую (красноватую) кожу с румянцем на щеках. Надо признать, что кыргызы чуть ли не единственный средневековый народ, в отношении которого неоднократно приводятся такие сведения об их антропологическом типе” (*Кылыч* 2020). Безусловно, трансформация антропологического типа кыргызов на территории Кыргызстана и Хакасии в Средневековье – вопрос открытый и требует комплексного археологического, антропологического и генетического изучения.

Скайлер дает три объяснения происхождению экзонима “каракиргиз”: 1) термин заимствован из русского языка; 2) происходит от слова “киргизкайсак” и указывает на низкое происхождение кыргызов; 3) возник в связи с тем, что кыргызы долгое время отказывались принимать “мухаммеданизм” (ислам) и за это были прозваны кара-кафирами, т.е. черными и неверующими (*Schuyler* 1876b: 136) – это объяснение также связывалось с “темнотой” кыргызов,

которые в силу кочевого образа жизни, отсутствия центральной государственной власти, большой родоплеменной раздробленности и слабости единой идеологии неохотно принимали ислам. Однако сами кыргызы не называли себя ни “черными киргизами”, ни “дикокаменными киргизами”, ни “мухаммеданами”, а говорили о себе “кыргызы”. И действительно ни в одном кыргызском фольклорном источнике не встречаются обозначения “каракиргиз” и “дикокаменный киргиз”.

Опять же мы можем предположить, что в изучении этнической истории киргизов исследователь пользовался несколькими источниками, которые не давали полного и ясного ответа на вопрос о происхождении данного этнотермина. Однако царская администрация и русские путешественники использовали слова собственного изобретения, тем самым вводя в широкое употребление экзотичные “каракиргиз” и “дикокаменный киргиз”. Это связано было, вероятно, с необходимостью отличать кыргызов от казахов, последние где-то с XVII в. в русских источниках стали называться киргизами или киргиз-кайсаками.

Скайлер считал, что кыргызы и киргиз-кайсаки не отличаются друг от друга ни в этническом, ни в экономическом, ни в социально-культурном отношении. Согласно его описанию, привычки, обряды и одежда кыргызов и киргиз-кайсаков (казахов) имели много общего, что обуславливалось сходными природными и социальными условиями жизни в Северной Азии (*Schuyler* 1876b: 137): в рассуждениях Скайлера об общности двух кочевых народов, их социальной истории превалирует географический детерминизм. Однако отметим, что подобно британскому миссионеру Г. Ланделу (*Lansdell* 2003 [1885]: 302–309), в детали различий и сходства кыргызов и казахов он не вдавался.

Объяснения ученых о происхождении кыргызского народа и этнотермина “кыргыз”, с одной стороны, свидетельствуют о существовании уже в то время международного кыргызоведческого дискурса (российского и европейского), в который вошел и Скайлер, а с другой стороны, указывают на колониальный контекст этого дискурса, поскольку условия, заданные Россией, носили имперский характер.

Западноевропейские путешественники XIX – начала XX в. зачастую именовали кыргызов по названию местности. Такие примеры можно встретить в работах английского путешественника Ч.А. Мюррея, графа Данмора (*Dunmore* 1893), французского исследователя Г. Бонвало (*Bonvalot* 1889), шведского географа С. Гедина (*Гедин* 1889) или английской путешественницы Л. Макартни (*Macartney* 1931): “каракульские киргизы”, “киргизы Алая”, “памирские киргизы”, “сары-кольские киргизы” и т.д. С одной стороны, такая форма этногеографической идентификации свидетельствует о кочевом образе жизни или о жизни в горах кыргызских племен, а с другой – позволяет путешественнику ориентироваться в чуждом географическом и культурном пространстве, которое в рамках постколониальной теории об отличии и непохожести (*other, otherness*) часто описывается как враждебное и опасное. К примеру, у Скайлера на одной лишь странице можно встретить такие описания: “каменистый и обрывистый Кемин”, “ветер, срывающий утесы”, “холодные и темные вершины гор Кенгей-Алатау” и др. (*Schuyler* 1876b: 127). Употреблением эмоционально-нагнетающих эпитетов путешественники подчеркивали свою силу, умение преодолевать трудности и испытания, результатом чего становились их печатные труды, почести государства и научных сообществ. Более того, идентификация кыргызов через этнопонимы говорила о том, что географические описания для путешественников были гораздо важнее, чем наблюдение

ния за культурой, бытом и жизнью местного населения. Этническая история кыргызов изложена Скайлером в хронологической последовательности через исторические сюжеты и параллели. Однако свойственная путевым записям XVII–XVIII вв. экзотизация реальности есть и в его описаниях.

Тема этногенеза кыргызов тесно связана с родоплеменной структурой – социальным институтом, укреплявшим этническую идентичность, военно-политические позиции, кровнородственные связи этноса, но в то же самое время нередко игравшим деструктивную (центробежную) роль, способствуя межплеменному и межродовому расколу. Скайлер уделил родоплеменной структуре особое внимание, отметив деление кыргызских племен на два крыла: правое и левое. Из 11 записанных им родоплеменных названий десять совпадают с приведенными Ч.Ч. Валихановым (*Валиханов* 1984: 23–47). Племена Бугу, Сарыбагыш, Солто, Саяк, Чон-багыш, Черик и Бассыз, живущие на Тянь-Шане, в районе рек Текес, Нарын, Чу и оз. Иссык-Куль, были отнесены Скайлером к правому крылу (Бассыз и Чон-багыш – ошибочно), а племена Мундуз, Сару, Кушчу и Ктай (Китай. – *Ч.Т.*), расселенные в горах Памиро-Алая, – к левому (*Schuyler* 1876b: 137) (Кушчу – ошибочно, в XIX в. племя проживало в пределах современной Таласской области). Неточности в сведениях о родоплеменной структуре и расселении кыргызских племен объясняются не в последнюю очередь тем, что в первые годы российской колонизации учет скотоводческого населения не велся. Более того, информаторы Скайлера, русские офицеры и казаки, не имели данных обо всех кыргызских племенах и родах, кочевавших в горных районах и долинах на территории современного Кыргызстана.

Согласно Скайлеру, в Русском Западном Туркестане проживало 200 тыс. каракиргызов, а в Китайском Восточном Туркестане и Коканде – 150 тыс. (*Schuyler* 1876b: 137). В силу того, что точные данные о численности кыргызов в 1850–1870-х годах отсутствуют, эта информация является очень ценной. Ориентируясь на записи Скайлера, можно говорить о том, что в 1873 г. в Центральной Азии проживало 350 тыс. киргизов (*Ibid.*). Отметим, что по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года киргизов насчитывалось 663 тыс. (Азиатская Россия 1914).

Скайлером были записаны легенды о происхождении племен Бугу, Черик и Сарыбагыш, что позволило ему сделать вывод о схожести родоплеменных систем кыргызов и аборигенного населения Северной Америки: и там и там тотемизм лежал в основе верований о неразрывных связях человека и природы. Кроме того, Скайлер отметил, что у кыргызов существует традиция связывать свое происхождение с легендарными историческими личностями: так, племена Солто, Сарыбагыш, Бугу и Саяк считают своим родоначальником Тогая (*Ibid.*) (Тагай бия. – *Ч.Т.*) – великого бия, который для объединения кыргызских племен принял ислам и имя Мухаммед Кыргыз.

В отношении социальной структуры и кыргызских титулов Скайлер дает ту же информацию, что и Ч.Ч. Валиханов (*Валиханов* 1984: 38–39). Он пишет, что в отличие от казахов, у которых выделялось два социально-классовых сословия (“ак-суйек”/белая кость – аристократия и “кара-суйек”/черная кость – простой народ), у кыргызов, деление не было таким четким. Тем не менее определенная градация существовала: во главе племен и родов стояли *манаты* (вожди), на ступень ниже располагались *бии* (богатые, влиятельные люди, выполнявшие роль судей), простой народ назывался *букара* (“букара” в переводе с кыргызского дословно означает

“чернь, простой народ” [Осмонов 2018: 334]), на самой нижней иерархической ступени располагались *кулы* (рабы, зависимые люди). В XIX в. у кыргызов царил меритократия, когда основным критерием при выборе племенного вождя были лидерские качества, а не социальное происхождение (Schuyler 1876b: 139; Валиханов: 3, 38–39). Несмотря на то что власть манапов несколько ограничилась с началом российской колонизации, они по-прежнему пользовались непрекращаемым авторитетом среди кыргызов. Бии, выполнявшие судебные функции, нередко выбирались из народа (Schuyler 1876b: 139) – по установлению российских властей на трехлетний срок. Скайлер присутствовал на одном заседании суда и оставил такое описание:

В районе Токмака (совр. Токмок. – Ч.Т.) я наблюдал собрание биев Токмака и Иссык-Куля. Каждый бий имел юрисдикцию по делам, иск по которым не превышал 100 руб., 5 лошадей или 50 овец. Но если иск был в 10 раз больше, чем 100 руб., то дела решались съездом биев. Съезд биев в Токмаке проходил в большой юрте, в центре сидел перфект или уездный начальник, которому помогал переводчик (Schuyler 1876b: 140–141).

Наблюдая за системой правосудия у кыргызов, дипломат сделал вывод о том, что суд биев³, при котором использовался переводчик, неэффективен. Скайлер считал, что переводчики умышленно передают содержание высказываний в ходе разбирательства неправильно, чтобы получить вознаграждение от обеих сторон. Более того, зачастую переводчики не знали русского языка, что приводило к непониманию сути судебного дела, а следовательно, и к необоснованному решению. По мнению исследователя, один честный мировой судья – представитель российской колониальной власти смог бы достичь большей справедливости и порядка в делах степных и горных кыргызов, чем эта выдуманная “псевдоавтономная и фиктивная выборная система” (Ibid.). Скайлер считал, что Россия должна сосредоточить всю полноту судебной власти в своих руках. Как и британский офицер Ф. Янгхазбэнд (Younghusband 1896), и американский географ Э. Хантингтон (Huntington 1907), Ю. Скайлер видел в России источник мира и порядка в Азии. Тем не менее положение дел было таковым, что судебные тяжбы между кыргызами в основном рассматривались биями; родоплеменная кыргызская элита при царизме стала низовым звеном (волостными) в колониальной администрации. Но дела между представителями разных народов решались российскими судьями. И здесь уместно вспомнить о трагической судьбе Камчыбека – сына Курманджан датки, родоначальницы племени адигине на Алай-Памире: суд, не доказав причастность Камчыбека к убийству русских солдат, вынес ему смертный приговор (Абытов 2011).

“Пропасть между завоевателями и завоеванными расширилась и углубилась из-за недостатков в методах управления, как и из-за ошибок администраторов”, – писал Скайлер (Schuyler 1876b: 140). Механизмы и методы любой колонизации основаны на насилии и дискриминации и, будучи дипломатом и юристом, Скайлер не мог не знать об этом, как не мог не знать о классовых и расовых отношениях, будучи выходцем из привилегированного слоя американского общества. Тем не менее вполне возможно, что, разделяя в целом политику Российской империи в Азии, под впечатлением событий, связанных с Гражданской войной и отменой рабства в США в 1865 г., Скайлер критически оценивал методы управления “Азиатской Россией”.

Культура кыргызов

Сведения о культуре кыргызов после вхождения Российской империи на территории сегодняшнего Кыргызстана начинают накапливаться интенсивнее. “Культура и социально-политическая организация киргизов стали объектом пристального внимания. Среди выдающихся работ того времени можно назвать труды В.В. Радлова, Н.А. Северцова, М.И. Венюкова, Н.И. Гродекова, Н.А. Аристова, Г.С. Загряжского, Ф.В. Пояркова” (Стасевич 2019: 44). С работами большинства указанных авторов Скайлер не был знаком, вероятно поэтому, его информация о культуре (включая фольклор, легенды), религии, городах, археологии и архитектуре кыргызов занимает всего две страницы. В его описании г. Токмак (совр. Токмок) и местность Пишпек выступают как узловые центры почтовой и грунтово-дорожной коммуникации. В период поездки Скайлера по Центральной Азии Токмак был центром колониальной администрации, в нем проживали русские, дунгане и таранчи (уйгуры) (Schuyler 1876b: 126–127). Археологические сведения Скайлер черпал из “Записок Императорского географического общества”, на страницах которых уже появлялись статьи о Центральной Азии и Кыргызстане, из работ российских исследователей, например археолога П.И. Лерха и генерала Г.А. Колпаковского, последний в 1869 г. обнаружил на берегу Иссык-Куля обломки жженого кирпича и металлические орудия. Использовал Скайлер и географические карты, составленные китайскими картографами; он пишет, что на одной из них обнаружил г. Чигу, который являлся ставкой государства Усуней во II в. до н.э. – V в. н.э. (Ibid.: 130). В районе современного с. Тору Айгыр Скайлер видел обломки древних кирпичей (вполне вероятно, что это были остатки древней бани, датируемой современными археологами приблизительно VIII в.). Безусловно, Скайлер не мог знать, что оз. Иссык-Куль таит в своих глубинах руины древнего г. Чигу (Плоских 1981).

Информация о фольклоре и религии кыргызов заимствована путешественником у П.М. Кошарова, который в 1856 г. был художником в Тянь-Шанской экспедиции русского ученого П.П. Семенова-Тян-Шанского. Скайлер писал:

Они (кыргызы. – Ч.Т.) сохраняют свой шаманизм. Согласно Кошарову, обряд огня празднуется ночью в четверг, жир бросается на огонь, вокруг которого горят девять ламп. Здесь читаются молитвы, в течение которых богослужители изнемогают, так как больше никто не умеет их читать. Их шаманы носят длинные волосы и шапки, а рукава одежды снизу украшаются лебединым пухом (Schuyler 1876b: 138).

По сведениям Скайлера, кыргызы придерживались шаманизма, а ислам, проникший в кочевую среду региона еще в VIII в., не был широко распространен. Аналогичное мнение встречается у Ч.Ч. Валиханова и М.И. Венюкова (Валиханов 1984: 72–73; Венюков 1861). В то же самое время, благодаря политике невмешательства в дела веры первого Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, в первые годы российского колониализма ислам стал активнее приживаться в кыргызской среде. В 1875 г., в связи с опасениями влияния пантюркизма и панисламизма, русские учебные заведения перешли в ведение Туркестанского генерал-губернаторства (Атантаева 2019). В целом современники оценивали деятельность К.П. Кауфмана положительно (Стасевич 2019: 45).

Особый интерес представляют размещенные в книге Скайлера черно-белые зарисовки самого автора и картины русских художников, в частности В.В. Верещагина (Schuyler 1876b: 130–131). Интересна зарисовка Скайлера “Повозка таранчи⁴⁷”. Можно предположить, что в кыргызских кочевьях путешественник

встретил группу таранчи – мигрантов и торговцев – и решил зафиксировать их антропологический облик и тем самым показать их культурно-расовое отличие от кыргызов.

Определенный интерес вызывает и зарисовка “Бача и его поклонники” (“A batchta and his admirers”) (*Schuyler* 1876b: 132–133). В приложении Скайлер дает краткое описание традиции “батча/бача” (*batchas*) и отмечает, что это ужасающее явление поддерживалось местными вождями (*Ibid.*: 126–127). Слово “бача” с персидского языка переводится как “мальчик, пацан”. Традиции педофилии и гомосексуализма не фиксировались у кыргызов, поэтому появление зарисовки в книге Скайлера требует пояснений. Мы считаем, что на дипломата большое впечатление произвела картина русского художника В.В. Верещагина “Бача и его поклонники” (1868 г.), написанная после пребывания в Центральной Азии в 1867–1868 гг. Во время своей службы художником при Туркестанском генерал-губернаторе генерале К.П. Кауфмане В.В. Верещагин интересовался и ходом боевых действий, и жизнью всех слоев местного общества, его нравами, и традициями. И, конечно же, не мог он пройти мимо бачизма (*Верещагин* 1883). Под своей зарисовкой Ю. Скайлер не упомянул В.В. Верещагина. Вероятно, это было сделано из-за официального неодобрения картины. В 1869 г. К.П. Кауфман протезировал устройство персональной выставки художника в Санкт-Петербурге, но, увидев картину “Бача и его поклонники”, порекомендовал художнику ее не выставлять. В.В. Верещагин сжег полотно, правда, предварительно сделал несколько больших фотокопий (*Кудря* 2010). Публикацией картины в своей книге Ю. Скайлер, возможно, хотел поддержать В.В. Верещагина, подвергшегося цензуре со стороны высокого чиновника. Но, вполне вероятно, этим он стремился продемонстрировать культурную гомогенность ориентализма Центральной Азии, связь региона со странами Востока. А, возможно, зарисовка Скайлера должна была выполнить роль рекламной приманки, способствующей быстрому изданию книги и увеличивающей ее продажи.

Еще одну свою зарисовку, названную “Могила на обочине дороги” (*Schuyler* 1876b: 138–139), Скайлер не сопроводил указаниями на то, к какому народу и к какой территории она имеет отношение. Смеем предположить, что это вновь художественная форма ориентализма, отражающая желание автора описание однообразной природы гор, монотонного кочевого быта и малолюдных местностей разнообразить мрачными сюжетами и зарисовками.

* * *

Таким образом, в 70-х годах XIX в. сведения о кыргызах и местах их расселения стали известны англоязычному читателю через книгу Скайлера “Туркестан: заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже”. И хотя описание Скайлера не изобилует неожиданными приключениями и сценами борьбы с местным населением, спасениями от хищников, смертельно опасными переправами через горные перевалы и бурные реки, в чуждом географическом пространстве каждая минута путешествия представлялась читателям рискованной и опасной.

В описании географических особенностей территории нынешнего Кыргызстана, происхождения кыргызов, их родоплеменных связей, судебной практики и фольклорных образцов Скайлер опирался на сведения российских путешественников и исследователей. Но эти сведения именно благодаря Скайлеру впервые были опубликованы на английском языке и долгое время служили для западной

науки источником знаний о кочевом мире и кыргызском народе. До 1850–1870-х годов академические дискуссии по кыргызскому вопросу, возникавшие среди российских и европейских членов Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук, не выходили за рамки российской науки. Благодаря Скайлеру сведения о народах Центральной Азии, в том числе о кыргызах, достигли американского континента. Вслед за Скайлером, в 1903 г. еще один американский ученый, географ Э. Хантингтон, участник экспедиции в Центральную Азию, побывал на территории нынешнего Кыргызстана. Э. Хантингтон, проверяя на практике свою теорию климатического детерминизма, собрал не менее интересную информацию о кыргызах и территории их проживания (*Huntington 1907*).

Оригинальные наблюдения и зарисовки Скайлера, касающиеся жизни и быта кыргызов, стали неотъемлемой и важной частью кыргызоведения и централоазиатоведения. Следует отметить, что, оценивая сегодня “комплексное” описание Скайлера, можно говорить о применении им диахронического и сравнительно-сопоставительного методов, что на тот период времени, без сомнения, было новым подходом к изучению других культур и народов.

Очень ценны записи Скайлера и в связи с тем, что они раскрывают повседневную жизнь кыргызов в первые 20 лет российской колонизации. Присутствие Российской империи в Центральной Азии исследователь считал гарантом социальной, экономической, политической и культурной трансформации региона, поэтому, путешествуя, стремился запечатлеть модернизационные проекты и реформы в действии. Тем не менее это не мешало ему видеть несовершенство колониальных практик, в особенности в судебной системе, и критиковать действия местных администраций и их политику.

Примечания

¹ Основные работы Ю. Скайлера: “Американская дипломатия и развитие торговли” (1886), “Петр Великий. Император России” (1884), “О продвижении России в Азии” (1866), “Современная Россия” (1870), “Русский путешественник Пржевальский” (1889). Он также перевел на английский язык “Отцы и дети” И.С. Тургенева, повесть Л.Н. Толстого “Казачьи” и его роман “Война и мир”.

² Выражение “большая игра” или “великая игра” (“Great (Grand) Game”) впервые было использовано британским офицером и исследователем А. Конолли в письме к другу: рассказывая о предстоящей поездке в Центральную Азию, он описал ситуацию, которую назвал “Great Game”, намекая на русско-британское соперничество за регион. В начале XX в. британский писатель Р. Киплинг использовал эту фразу в своем романе “Ким” (“Kim”) (см.: *Hopkirk 1992; Турдалиева 2008; Cooley 2012*).

³ Британская путешественница Л. Макартни называла родоплеменного вождя у кыргызов “русский аксакал” (см.: *Macartney 1931*).

⁴ Таранчи (от слова “тары” – просо) – уйгуры, проживавшие в районе Кульджи в современном СУАР (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) и занимавшиеся земледелием. В 20–70-е годы XIX в. таранчи стали переселяться в Ферганскую долину (*Кокайсл и др. 2020*).

Источники и материалы

Абытов 2011 – Абытов Б. Дело Камчыбека Алымбек уулу // АКИpress. История Кыргызстана и кыргызов. 09.11.2011. https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1048

- Азиатская Россия 1914 – Азиатская Россия. Т. 1: Люди и порядок / Под общ. рук. Г.В. Глинки. СПб.: Издание переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914.
- Венюков 1861 – *Венюков М.И.* Очерки Заилийского края и Причуйской страны. http://az.lib.ru/w/wenjukow_m_i/text_1861_ocherki_zailiyskogo_kraya.shtml
- Верещагин 1883 – *Верещагин В.В.* Из путешествия по Средней Азии // *Верещагин В.В.* Очерки, наброски, воспоминания. СПб.: типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1883. С. 49–85.
- Гедин 1899 – *Гедин С.* В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан. Т. I. СПб.: Деврен, 1899.
- Кудря 2010 – *Кудря А.* Верещагин. М.: Молодая гвардия, 2010.
- Кылыч 2020 – *Кылыч Э.* Кыргызы и другие белокурые племена Центральной Азии в древности и средневековье // АКИpress. История Кыргызстана и кыргызов. 12.01.2020. https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:16171
- Bonvalot 1889 – *Bonvalot G.* Through the Heart of Asia: Over the Pamir to India. Vol. 1. L.: Pitman, 1889.
- Dunmore 1893 – *Dunmore.* The Pamirs; a Narrative of Year's Expedition on Horseback and on Foot Through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia. 2 vols. L.: John Murray, 1893.
- Huntington 1907 – *Huntington E.* The Pulse of Asia: A Journey in Central Asia Illustrating the Geographic Basis of History. N.Y.: Houghton, 1907.
- Macartney 1931 – *Macartney L.* An English Lady in Chinese Turkestan. L.: Ernest Benn, 1931.
- Schuyler 1876a – *Schuyler E.* 1876. Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. 1. N.Y.: Scribner.
- Schuyler 1876b – *Schuyler E.* 1876. Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. 2. N.Y.: Scribner.
- Younghusband 1993 [1896] – *Younghusband F.* The Heart of a Continent: A Narrative of Travels in Manchuria, Across the Gobi Desert, Through the Himalayas, The Pamirs, and Hunza 1884–1894. New Delhi: Asian Educational Services, 1993 [1896].

Научная литература

- Абашин С. Востоковеды против ориентализма? Рец. на: Тольц В. “Собственный Восток России”: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013 // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 343–351.
- Алимджанов Б. Экономическая политика российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 2016. https://dissert.spbu.ru/files/phd_spsu/alimdgjanov-b-a_dissert.pdf
- Атантаева Д. История распространения ислама на территории Кыргызстана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт истории НАН КР, Бишкек, 2019.
- Валиханов Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. II.
- Джамгирчинов Б. Очерки политической истории Киргизии XIX в. Фрунзе: Илим, 1966.
- Горшенина С. Изобретение концепта Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Вашингтон: Университет Джорджа Вашингтона, 2019.

- Караев О., Кожобеков М.* О переселении енисейских киргизов на Тянь-Шань // Вопросы этнической истории киргизского народа / Отв. ред. О.К. Караев, И.Б. Молдобаев. Фрунзе: Илим, 1989. С. 41–66.
- Кокайсл П., Жоробеков Т., Субанов Т.* Уйгуры в Кыргызстане – две разные части одного народа? // *Kulturní Studia*. 2020. No. 1. P. 14–34. <https://doi.org/10.7160/KS.2020.140102>
- Маслова О.* Обзор русских путешествий и экспедиций в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1971.
- Мокеев А.* Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек: Манас, 2010.
- Носков В.* Туркестан Юджина Скайлера // *Американский ежегодник*. 2017. С. 295–310.
- Осмонов О.* История Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. Бишкек: Мезгил, 2018.
- Плоских В.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: Илим, 1977.
- Плоских В.* Иссык-Куль: путешествие в историю. Фрунзе: Илим, 1981.
- Соболев В.* Историография российского ориентализма: к вопросу о методологии исследования // *Raх Islamica*. 2013. № 2. С. 39–59.
- Стасевич И.* Российские востоковеды и этнографы в Киргизии (история и перспективы изучения региона) // *Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции)* / Под ред. М.Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 36–61.
- Тольц В.* “Собственный Восток России”: политика идентичности и востоковедение в позднемперский и раннесоветский период. М.: НЛЮ, 2013.
- Турдалиева Ч.* Западные путешественники и исследователи о кыргызах и Кыргызстане. Бишкек: Максима, 2008.
- Boas F.* *The Mind of Primitive Man*. N.Y.: Macmillan, 1911.
- Coleman M.* Eugene Schuyler: Diplomat Extraordinary from the United States to Russia 1867–1876 // *Russian Review*. 1947. No. 7. P. 33–48. <https://doi.org/10.2307/125331>
- Cooley A.* *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Hopkirk P.* *The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia*. N.Y.: Kodansha, 1994.
- Knight N.* Grigor’ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. No. 59 (1). P. 74–100.
- Lansdell H.* *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Vol. 1. N.Y.: Adamant Media Corporation, 2003 [1885].
- Said E.* *Orientalism*. N.Y.: Vintage Books, 1979.
- Tlostanova M., Mignolo J.* Global Coloniality and the Decolonial Option // *Kultur (Special Issue: Epistemologies of Transformation)*. 2009. Vol. 6. P. 130–147. http://postkolonial.dk/artikler/kult_6/MIGNOLO-TLOSTANOVA.pdf

Research Article

Turdalievа, С. An American’s Adventure in Central Asia: Eugene Schuyler on the Kyrgyz [Prikluchenie amerikantsa v Tsentral’noi Azii: Yudzhin Skailer o kyrgyzakh]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 3, pp. 159–175. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030095> EDN: HVQQQM American’s Adventure in Central Asia: Eugene Schuyler about the Kyrgyz ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Cholpon Turdalieva | <http://orcid.org/0000-0002-4375-2566> | turdalieva_c@auca.kg | American University of Central Asia (7/6 Aaly Tokomaeva prospect, Bishkek, 119991, Kyrgyzstan)

Keywords

Schuyler, Russian colonialism, Orientalism, travel, travelogue, Kyrgyz, tribe

Abstract

The article examines the information about the Kyrgyz people collected during a trip to Central Asia by the American diplomat, traveler, and scholar Eugene Schuyler in the 19th century. On the one hand, his voyage was likely an adventure, since at that time few foreigners visited the little-explored and newly colonized territories of Central Asia. On the other hand, it was a prearranged business trip with a specific purpose. In 1873 (at the beginning of Russian colonization), Schuyler visited the region and gathered information about the region's nature, landscape, climate, and ethnic groups. Three years later, in 1876, he published a two-volume work entitled “Turkistan”, which became a bestseller at the time. It still has not lost its scholarly significance and popularity. Even though some information on Central Asians and the Kyrgyz was borrowed by Schuyler from Russian and European authors, he offered his own analysis of the facts and events that he witnessed or participated in. His reliable testimonies and astute analysis are of undoubted value. In this sense, his approach echoes the Franz Boas' concept of cultural relativism, according to which the history and culture of an ethnic group should be viewed through the prism of its own origin and development. However, Schuyler's work is not beyond criticism. His statement that colonialism, including the Russian one, is the only source of civilization clearly reflects his biased Eurocentric views and class position.

References

- Abashin, S. 2014. Vostokovedy protiv orientalizma? [Eastern Studies Scholars Against Orientalism?]. Review of “*Sobstvennyi Vostok Rossii*”: *politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period* [The Own East of Russia: Politics of Identity and East Studies in Late Imperial and Early Soviet Time], by V. Tolts. *Antropologicheskii forum* 20: 343–351.
- Alimdzhанov, B. 2016. Ekonomicheskaia politika rossiiskoi imperii v Turkestanskom general-gubernatorstve (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv.) [Economic Politics of Russian Empire in Turkestan General Governorship (The Second Half of 19th and Early 20th Century)]. PhD diss., St. Petersburg University. https://dissert.spbu.ru/files/phd_spsu/alimdghanov-b-a_dissert.pdf
- Atantaeva, D. 2019. Istoriia rasprostraneniia islama na territorii Kyrgyzstana [History of Islam's Dissimination on the Territory of Kyrgyzstan]. PhD diss. abstract, Institute of History, Archeology and Ethnology, National Academy of Science of Kyrgyz Republic.
- Boas, F. 1911. *The Mind of Primitive Man*. New York: Macmillan.
- Coleman, M. 1947. Eugene Schuyler: Diplomat Extraordinary from the United States to Russia 1867–1876. *Russian Review* 7: 33–48. <https://doi.org/10.2307/125331>
- Cooley, A. 2012. *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford: Oxford University Press.
- Dzhamgirchinov, B. 1966. *Ocherki politicheskoi istorii Kirgizii v XIX v.* [A Note on the Political History of Kirghizia in 19 Century]. Frunze: Ilim.
- Hopkirk, P. 1994. *The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia*. New York: Kodansha.

- Gorshenina, S. 2019. *Izobretenie kontsepta Srednei/Tsentral'noi Azii: mezhdou naukoj i geopolitikoj* [Creation of the Middle/Central Asia Concept: Between Science and Geopolitics]. Washington: The George Washington University.
- Karaev, O., and M. Kozhobekov. 1989. O pereselenii enisejskikh kirgizov na Tian'-Shan' [The Migration of Enisey Kyrgyz to Tian-Shan]. In *Voprosy etniceskoj istorii kirgizskogo naroda* [To the Quest on the Ethnic History of Kyrgyz People], edited by O.K. Karaev and I.B. Moldobaev, 41–66. Frunze: Ilim.
- Knight, N. 2000. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? *Slavic Review* 59 (1): 74–100.
- Kokaisl, P., T.A. Zorobekov, and T.T. Subanov. 2020. Uigury v Kyrgyzstane – dve raznye chasti odnogo naroda? [The Uyghurs in Kyrgyzstan – Two Different Parts of One Nation?]. *Kulturni Studia* 1: 14–34. <https://doi.org/10.7160/KS.2020.140102>
- Landsell, H. (1885) 2003. *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Vol. 1. New York: Adamant Media Corporation.
- Maslova, O. 1971. *Obzor russkikh puteshestvii i ekspeditsii v Srednei Azii* [A Survey on the Russian Expeditions and Travels in Middle Asia]. Tashkent: Fan.
- Mokeyev, A. 2010. *Kyrgyzy na Altae i na Tian'-Shane* [The Kyrgyz on Altai and Tian-Shan]. Bishkek: Manas.
- Noskov, V. 2017. Turkestan Yudzhina Skailera [Eugene Schuyler's Turkestan]. *Amerikanskii ezhegodnik* 2017: 295–310.
- Osmonov, O. 2018. *Istoriia Kyrgyzstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The History of Kyrgyzstan from the Ancient Time to Present]. Bishkek: Mezgil.
- Ploskikh, V. 1977. *Kirgizy i Kokandskoe khanstvo* [The Kyrgyz and the Qoqand State]. Frunze: Ilim.
- Ploskikh, V. 1981. *Issyk-Kul': puteshestvie v istoriiu* [Issyk-Kul: The Journey to History]. Frunze: Ilim.
- Said, E. 1979. *Orientalism*. New York: Vintage Books.
- Sobolev, V. 2013. Istoriografiia rossiiskogo orientalizma: k voprosu o metodologii issledovaniia [Historiography of Russian orientalism: To the Quest on the Research Methodology]. *Pax Islamica* 2: 39–59.
- Stasevich, I. 2019. Rossiiskie vostokovedy i etnografy v Kirgizii (istoriia i perspektivy izucheniiia regiona) [Russian Eastern Studies Scholars and Ethnographers in Kirghizia (History and Perspectives of the Region's Studying)]. In *Russkii orientalizm (nauka, iskusstvo, kolleksii)* [Russian Orientalism: Science, Art, Collections], edited by M.E. Rezvan, 36–61. St. Petersburg: MAE RAN.
- Tlostanova, M., and J. Mignolo. 2009. Global Coloniality and the Decolonial Option. *Kultur (Special Issue: Epistemologies of Transformation)* 6: 130–147. http://postkolonial.dk/artikler/kult_6/MIGNOLO-TLOSTANOVA.pdf
- Tolz, V. 2013. “*Sobstvennyi Vostok Rossii*”: politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period [Own East of Russia: The Politics of Identity and Oriental Studies in Late Imperial and Early Soviet Time]. Moscow: NLO.
- Turdalieva, C. 2008. *Zapadnye puteshestvenniki i issledovateli o kyrgyzakh i Kyrgyzstane* [The Western Travelers and Explorers about the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Bishkek: Maksima.
- Valikhanov, C. 1985. *Sobranie sochinenii* [Paper Collection]. 5 vols. Vol. II. Alma-Ata: Glavnaia redaktsiia Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii.